

Идейно-философский спор между Чернышевским и Юркевичем выявляет ядро концептуальных противоречий между материалистами (не только революционными демократами, но и либералами) и представителями русской почвеннической интеллигенции. Те, кто отверг Бога как данность, неизбежно приходили к «чистому гуманизму» и «социальной гармонии». Либералы и в наше время в основу своих идеологических построений ставят схему: личность – гражданское общество – государство, отдавая безусловное преимущество индивиду как универсальному потребителю материальных благ и продукции массовой культуры. Носители леворадикальной идеологии ставят коллектив на первое место, а индивидуум должен подчинять свои личные цели общественным. Государство в этой схеме играет роль машины принуждения, поддерживающей систему. И та, и другая концепции рассматривают нравственность не как данность, а как порождение общественных отношений. Нравственность может изменяться под влиянием технического прогресса и изменения материального базиса общества. Православные христиане рассматривают общество с точки зрения неизменного духовно-нравственного абсолюта – Бога. Основную задачу человека в земной жизни они видят в самосовершенствовании и духовном приближении к этому абсолюту. Задачей общества и государства является, с их точки зрения, создание такого нравственного климата в человеческом общежитии, который строится на принципе взаимного братства и поддержки друг друга и дает возможность каждому человеку в душе его усовершенствоваться и приблизиться к Богу.

1. Зеньковский В.В. История русской философии: В 3 т. – Т. 2. – Л.: Эго, 1993.
2. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип философии // Полн. Собр. Соч.: В 50 т. – Т. 7.
3. Юркевич П.Д. Наука о человеческом духе // Философские произведения. – М.: Правда, 1990.

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ДНЕВНИКОВЫХ ОЧЕРКАХ И. А. БУНИНА «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

*Меринов Валерий Юрьевич
Белгородский госуниверситет*

Ключевые слова: *Бунин, очерк, «Окаянные дни».*

Keywords: *Bunin, sketches, «Dummed days».*

Книга очерков И.А. Бунина «Окаянные дни» написана в 1918-1919 годах. Она представляет собой уникальное произведение, соединяющее документальную точность дневника и высокое литературное мастерство. Из всего многообразия героев, выведенных автором в своем дневнике, определенно и четко выделяются четыре главных типа персонажей, непосредственно участвующих в описываемых событиях – это три представителя революционной партии: предводители революции, представители русской интеллигенции

(или «человек культуры»), «человек массы» – и один тип героев, представляющий мир, альтернативный большевистскому.

В «Окаянных днях» болезнью революционного хаоса охвачены обширные сферы национально-государственной, социокультурной, природно-космической жизни страны. Противостояние хаоса и космоса пронизывает всё художественное пространство произведения и реализуется как оппозиция центра (географического, историко-культурного, антропологического, интеллектуально-смыслового и т.д.) и периферии. Так, например, мёртвое пространство хаоса топографически отграничено от живого: а) по горизонтали: находится на максимальном отдалении и к тому же отгорожено барьером: «заграница» (центр – вся Россия), б) по вертикали: дыра, вкрапление хаоса в самом пространстве жизни, её преисподняя, четвёртое измерение: «подполье», «жёлтый дом», «тюрьма» (социальная оппозиция верх-низ), в) одновременно по горизонтали и вертикали: «окопы» – «ямы» «на западе».

На периферии собственно человека как биологического вида существуют носители духа разобщённости и некоммуникабельности – предводители революции. Они находятся где-то за гранью самой жизни и приобретают в очерках Бунина устойчивые демонические, inferнальные черты. Во внешнем облике предводителя революции, профессионального революционера, комиссара, студента отсутствуют знаки довольства, сытости, подчёркнутого богатства, пышности телесных форм. Скорее, наоборот, в нём нет никакой телесности, т.е. нет даже того бесконечно малого, что могло хотя бы внешне связать его с миром живых людей. Он противоестественно бестелесен, почти прозрачен, как призрак или демон. Он «худ смертельно» [1, с. 138], наделён «цыплячьим», безжизненным телом с «ногами как у скелета» [1, с. 186]. Лицо «бледное» «впалое», «голое, бритое», «черты лица до неправдоподобия тонки, остры» [1, с. 138] видны «золотые зубы», глаза невидящие «дико расширенные» [1, с. 138], «большие, тёмные, кокаинические» [1, с. 117]. Автор рисует портрет ожившего скелета, упыря, душегуба, во внешнем облике которого выделяются неестественно огромными размерами орудия убийства: «огромный револьвер» [1, с. 115, 117], «громадный браунинг» [1, с.186]. Поздними тёмными «жутко мистическими» вечерами «осатаневшие от пьянства и кокаина» [1, с. 194] на «бешеных автомобилях» с «разряженными девками» – ведьмами люди-демоны «носятся с воем и рёвом» «по пустым улицам» [1, с. 117], слетаются на шабаш. В местах, где собираются демоны, как и полагается в бесчеловечном пространстве, царит атмосфера ада, всеобщего беснования: «неслась какая-то дикая музыка, пляска, раздавался отчаянный крик пляшущего, которого точно резали...» [1, с.156], бешеное отчаянное веселье в смраду «горящей», «пылающей» от люстр преисподней, «видны стены, увешанные чёрными знамёнами, на которых белые черепа с надписями: «Смерть, смерть буржуйам!» [1, с. 103]. Это персонификация зла, оно губительно, смертельно и напрочь лишено романтического обаяния высокого демонизма.

Завладевшие миром призраки строят новый, невиданный, выдуманный мир функционирующей пустоты, якобы жизни: «В Москве жизни не было,

шла сумасшедшая по своей бестолковости и горячке ИМИТАЦИЯ – какого-то будто бы нового строя, нового чина и даже парада жизни» [1, с.122].

Чтобы представиться живым, мертвец разворачивает бешеную деятельность: «Непрерывно шли совещания, заседания, митинги, один за другим издавались воззвания, декреты...» [1, с.122], он сверхподвижен: «бегает, вертится, несётся» [1, с.99]. Фальшивость этой деятельности проявляется в бесчеловечном ее содержании: «жажда раздуть бурю» [1, с. 182], тупых распоряжениях, несообразных поступках. Результатом её становится построенный мир, в котором всё вверх дном, шиворот-навыворот, мир зазеркалья. Это мир-перевертыш, оборотень.

Согласно законам инобытия, король «обратного мира» – шут, которому власть позволяет радикально расширить аудиторию и дурачить массы людей. «Неправдоподобно глупо», по мнению автора, командуют большевики. Образчики глупости демонстрируются по всему тексту (чего стоит одно только объявление войны Румынии). Но в изнаночном царстве глупость легко маскируется под мудрость, трусость выдаётся за храбрость. Эта лёгкость объяснима тем, что в царстве теней лицедейством охвачены все участники действия, происходит карнавализация самой действительности, массовое плутовство призраков. В мире с опрокинутыми, перевернутыми ценностями успех может принести только изворотливость, ловкачество, умение перевоплотиться, вовремя оборотиться.

Властитель иномира разоблачается и как лженаследник, подложный царь, выскочка, самозванец: «ведь мы только демонстрацию хотели и вдруг...» [1, с. 89], верховный лжец, который под «издевательской вывеской: «Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм!», крепко «усевшись на шею народа», готовит ему «новое рабство» [1, с. 154].

Эпицентр бесовского верчения, вихря неподвижен: «Ленин в Москве, сидит в Кремле, поэтому-то и объявлен Кремль на осадном положении» [1, с. 78]. «Наглухо запертый Кремль» [1, с. 199] – самый центр преисподней, мнимое пространство, фантастический провал: «Ленин-то, говорят, ненастоящий – этого давно убили настоящего-то» [1, с. 79].

Ленин разоблачается и как Лжехристос, т.е. Антихрист (не случайно календарь его жизни соотнесён с Христовым). Он появляется в Москве в качестве пророка нового учения на страстной неделе. Однако, вместо самопожертвования, сам готов распять половину населения и завладеть миром силой, хитростью и соблазном, т.е. принять все дары евангельского Дьявола: меч, хлеб, власть.

Так называемое «передовое» сознание энтузиаста революции в «Окажных днях» получило трактовку как мелкое, корыстное, пошлое, самолюбивое и утробное. Поэтому предводителям смуты оказались понятны и близки интересы подручного революции, выходца из народа: солдата-дезертира, праздно шатающегося мужика, рабочего, которого они «знают, чем соблазнить». Условно эту номинацию можно назвать «человеком массы». Подкуп утробы – главный и единственный рецепт для соблазнения человека массы: «Им (рабочим – *М.В.*) поминутно затыкают глотку какой-нибудь подачкой,

поблажкой, и три четверти народа так: за подачки, за разрешение на грабёж отдаёт совесть, душу, Бога...» [1, с.167]. В «человеке массы» подчёркнуто плотское, утробное начало. Он «пьян, сыт, самодоволен». В чертах лица «морды», как правило, выделены «большие скулы, грубая нижняя челюсть» [1, с. 195], т.е. то, что говорит о максимальной приспособленности к переработыванию пищи: он постоянно «жуёт, жрёт, щёлкает подсолнухи, лопают колбасу» [1, с. 155, 184], в состоянии кратковременного покоя работу челюстей может заменить «игра желваками».

Предводитель, вместе с соблазняемым героем, образуют взаимосвязанную и взаимозависимую пару, парный образ: начальник – подчинённый, комиссар – красноармеец, оратор – слушатель. Впрочем, чётких границ между номинациями не существует. Персонажи могут сочетать качества обеих категорий. Подтипы человека-революции подведены под один знаменатель: БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Предводитель беспощаден как хищное животное, и «человек массы» наделён признаками, безнадежно отдаляющими его от мира живых. Он слеп, наделён незрячими глазами: «Чудь белоглазая, глаза белые, глубоко сидящие, мутные» [1, с. 73], глух: герои не способны слышать собеседника, их способ общения: а) крик или слово, распавшееся со смыслом и даже формой: «рёв, рык, хохот, гогот вой, визг, хрюканье...»; б) немота, то есть предельно опустошенное слово, которое утратило даже звук: «тупо молчит»; г) область ненормативной или не к месту употребляемой лексики. В словарь периферийной лексики входят: арготизмы, жаргонизмы, канцеляризм (казённо бездушное слово), диалектизмы, варваризмы. Наконец, это пространство искажённого, «больного» слова, мир языковых нелепостей «заборной литературы».

Интеллектуальный мир «человека массы» – это периферия человеческого сознания, он находится вне категорий разумности, здравомыслия. Вот несколько примеров из его словаря: «сумасшествие, бестолковость, глупость, тупость, бессмысленное неистовство, помешательство, беспечность, праздность, легкомысленность, род нервной болезни, неправдоподобно глупо, иступление, острое умопомешательство». Таким образом, человек массы достигает почти полного бесчувствия мертвеца: «мужик тупо слушает, тупо глядит, мёртво, идиотски улыбается...» [1, с. 76], «лицо, точно вырублено из дерева» [1, с. 65]. В данном контексте герою не добавляет человечности и его увлечение алкоголем и наркотиками.

У данного типа героя возникает особая связь с inferнальной стихией. Во-первых, она подчеркнута через близость его к топографическому низу, земле и передана через описание фигуры: приземистой, «коротконогой», «с жирными, толстыми ляжками»; цвета лица: землистый «коричневый», а «может быть бледный»; одежды: «грязная».

Во-вторых, это толпа, чернь: «человек массы» не выступает в качестве самостоятельной личности, он лишь фрагмент, из которого состоит толпа, это человек улицы) задаёт inferнальный цвет времени: «серая, чёрная толпа, чёрный дом, могильно-тёмная, без огней улица, красные, чёрные флаги» [1, с.

89]. Красный, черный, серый цвет заполняет и природно-космическую сферу: «серый день, чёрный горизонт, небо чернеет, черно-синее небо, мрак неба, красное зарево» [1, с. 80].

В-третьих, масса распространяет и свой специфический запах. Это запах гниения и человеческих испражнений, пота и грязи.

В-четвертых, толпа рождает звук времени, иронично названный автором «музыка революции». В нём принципиально неразличимы мертвый и живой звук, крик животного и человеческое слово: «рык, храп, дикая игра балалайки, гармони, лай, крик, вскрик, визг, зычный рёв, ор, хохот, вой, гогот, визжание, хрюканье, отчаянный крик, крик пьяного дикаря, дикая музыка, поют в тысячу глоток кто в лес, кто по дрова, вой несущегося автомобиля, грохот грузовика, выстрелы винтовки и мотоцикла, бешеный стук в дверь».

В пространстве этнической жизни «человек массы» смещён на национальную окраину, он функционирует: а) либо за пределами основного этноса: «Поднялись все азиатцы, всё язычество, зыряне, мордва, чуваша, черемисы...» [1, с. 154]; б) или как отколовшаяся, «шатающаяся», «слабая» часть «русского простонародья», тем не менее отмеченная знаками национальной периферийности: «особи, круто замешанные на монгольском атавизме» [1, с. 196].

В культурно-исторической перспективе мир «человека массы» вынесен за пределы христианской цивилизации: а) мир внехристианский: застывшая, бесчеловечная «Азия»: «И Азия, Азия... Восточный крик, говор...» [1, с. 91]; б) мир дохристианский: дикая языческая «Весь, Муром, Чудь...» [1, с. 196].

«Человеком культуры» мы назовем героев, относящихся к так называемому «образованному слою»: писатель, журналист, поэт, адвокат. Автор отмечает равнодушие, спокойствие и одновременно «неумеренный оптимизм» данного типа персонажей. Мотивы марионеточности, кукольности, феномены мгновенного «перекрашивания», неестественно быстрого перехода от одного эмоционального состояния к другому, например, от смеха к плачу, элементы ряженья, театральности, лицедейства, принимающие в данном контексте характер оборотничества, выдают принадлежность героя механическому, внутренне неподвижному, т.е. неживому миру. Он «не понимает, не чувствует» жизни. С другой стороны, «человек культуры» вбирает в себя черты дочеловеческого, живущего примитивными инстинктами, животного мира. Он «пьян, выбрит, сыт – по всему видно, что сыт» [1, с. 97], имеет «розовый» цвет лица, «оживлённый» вид, «огромное толстое тело». Подобная амбивалентность, наделяет героя свободой передвижения в пределах номинации «человек революции», т.е. возможностью перебраться в соседнюю группу. Так, портрет писателя Ауслендера словно списан с предводителя смуты: «Весь какой-то дохлый, с высохшими тёмными глазами, на которых золотой отблеск, как на засохших лиловых чернилах» [1, с. 69].

С «человеком культуры» связаны и мотивы личностной деградации и деперсонализации: «В русской литературе вчера были Пушкины и Толстые, а теперь почти одни проклятые монголы» [1, с. 121]; «И образовался на земле уже целый легион специалистов, подрядчиков по устройению человеческого благополучия» [1, с. 95].

«Человек культуры» заигрывает с «человеком массы», «державной толпой», выступая в руках революционных вождей инструментом создания и распространения разрушенного «больного» слова. Это слово, оторванное от действительности, жесткая искусственная схема, лишенное текучести, противоречивости, присущей живой жизни: «Я верю в русский народ!», «чудо-богатыри», «христолюбивый народ». Это социальный стереотип, мифологизирующий и развращающий сознание социальных низов, программирующий деструктивную, в полярных категориях, реакцию на мир. На одном его полюсе расположились «обыватель», «поп», «буржуй», «деспот», «царский опричник», «сгнивший трон Романовых», на другом – «павший борец», «освободительное движение», «свет социализма» и сам русский «народ-богоносец». Литература, подмечает повествователь, уже «сто лет» позорит все классы. И по сей день пустое мёртвое слово убивает живое «лжи столько, что задохнуться можно ... лгут теперь на каждом шагу» [1, с. 106].

Последствия лжи оказываются губительны для страны. Сфера индивидуального и социального сознания предельно уменьшается: «Да, повальное сумасшествие. Что в голове у народа?» [1, с. 140]. Хаос входит в гиперактивное состояние, когда агрессивность хаотического пространства совпадает с редуцией сопротивляемости мертвечине у живых: «ходили в церковь только по праздникам», «ослаб народ» [1, с.79], «все помертвели от страха» [1, с.97]. Во многих сферах бытия происходит увеличение протяженности хаотического пространства свыше разумного предела. Тогда окопы «тянутся на три тысячи вёрст», тогда «Поднялись все азиатцы, всё язычество..." [1, с. 154], тогда (охотой к разбойничьей жизни – *М.В.*) «снова охвачены теперь сотни тысяч отбившихся отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей» [1, с. 156], тогда «многомиллионная армия превращается в вооружённую орду» [1, с. 121]. Взрывное нарастание приводит к разрушению сдерживающих границ: «... все преграды, все заставы божеские и человеческие пали...» [1, с. 198], к почти мгновенной «сказочной перемене» («вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь» [1, с.122], превращающей пространство жизни в ничем не ограниченное пространство вседозволенности, фантазмогоричности («вакханалия», «оргия», «беснование», «шабаш»), в «полную пустоту мира, необъятную могилу» [1, с. 127].

В зараженном революцией городе пространство жизни предельно сжимается. Сначала «легион», «стадо», «толпа», «чернь», «орда» – всё это названия деперсонализованного тела революционного хаоса, бездушной стихии – заполняет, омертвляет живое пространство вокзалов, улиц, площадей. После вокзалов, улиц, площадей наступает черёд непосредственного пространства человеческой жизни – его жилища. Дом может быть реквизирован, пуст, охраняться часовыми, которые «сидят у входов в самых изломанных позах» [1, с. 139].

Хаотизация живого пространства городского дома может проводиться с помощью так называемого «уплотнения»; т.е. подселения «трудящихся» [1, с. 102] или бюрократизацией его пространства, превращением Дома в «учреждение», вытеснением из него вещей, связанных с индивидуальной жизнью человека и составляющих важную часть живого пространства, и с

«внедрением» безликой «конторской» мебели [1, с. 86]. В Доме создаётся гибельная для человека атмосфера ада, преисподней. Мёртвое пространство маркируется знаками смерти: «какими-то медузами, стеклянными розовыми звёздами» [1, с. 112]. Тем не менее, оно пытается выдавать себя за живое. В вагонах, гостиницах (временное пространство), живут как дома, а внутри на стенах «висят портреты Ленина и Троцкого» [1, с. 89], святых превращённого пространства. В любом случае, пустое пространство грозит живому человеку внезапной смертью: «Николая Филипповича выгнали из его имения. Недавно стали его гнать и с одесской квартиры. Пошёл в церковь горячо молился, – был день его Ангела, – потом к большевикам, насчёт квартиры – и там внезапно умер» [1, с. 169]. Хаос создаёт обстановку общей смерти: «это не жизнь, огромный город не живёт, мёртвый, пустой порт, пустые улицы, мёртвый, зараженный город» [1, с. 156].

Мир одинокой, разобщённой с действительностью, чудом выжившей человеческой личности испытывает «адский нажим» хаоса: «голова горит, мысли путаются» [1, с. 17], «ударило по глазам, остановили как поражённый молнией» [1, с. 179], «точно эфиром опоены», «мы забиты, замордованы», «восприимчивости не хватает», «омертвление головы». И все-таки, хаосу не удаётся добиться полного бесчувствия человека. Одиноким, живой человек «плачет и кричит» от боли и сострадания, «чувствует» прошлое и настоящее. Он не становится элементом хаоса, а превращается в локальный, замкнутый, до предела сжатый центр жизни. Не занятыми остаются и последние крепости – молитвенные дома: «Так всё жутко и гадко вокруг, что тянет в церкви, в эти последние убежища, ещё не залитые потоком грязи, зверства» [1, с. 102].

Таким образом, революционный мир разоблачается И.А. Буниным как мир ложных, мнимых, антихристианских ценностей. В этом контексте немногие, сохранившие верность разрушенному культурному космосу, христианскому в своей основе, осмысливаются автором как первые христиане, а церкви синонимичны древним катакомбам, в которых гонимые укрываются от устроенной самим Дьяволом охоты на человека и на гуманистические ценности.

1. Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Избранное. – М., 1991

ОБРАЗ ДЕНЕГ В СОЗДАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОЧЕРКАХ М.А. БУЛГАКОВА

*Меринов Валерий Юрьевич
Белгородский госуниверситет*

Ключевые слова: *символический образ, публицистика, Булгаков.*

Key words: *symbolic image, publicism, Bulgakov.*